

ОЛЬГА КОТОВА

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Око бесконечности

Ольга Которова
Коллекционер

«Автор»

2024

Которова О.

Коллекционер / О. Которова — «Автор», 2024 — (Око бесконечности)

В квартире найден труп молодой девушки. Преступник оставил свою визитную карточку: темно-зеленое платье, орхидеи и отсеченная часть тела у жертвы. К расследованию приступает следователь Мила Ардо. Она обнаруживает, что подобные убийства начались более тридцати лет назад, а это значит, что в городе снова орудует серийный маньяк. В то же время у Милы возвращаются видения, которые исчезли после самых трагичных событий в жизни, когда ей было всего девять лет. Новые зацепки в расследовании заставляют девушку снова пережить те страшные времена, дело становится слишком запутанным и личным, а на подушке в ее офисе появляется первый «комплимент» от загадочного убийцы, которого прозвали Коллекционером.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Которова

Коллекционер

Глава 1

Стоя возле широкого окна, разглядываю улицу с высоты пятого этажа, сложив руки за спиной. Внимательно всматриваюсь, как по оживленной дороге туда-сюда ездят машины, а люди спешат на работу, и никто из них даже не догадывается, что сейчас происходит в этой квартире.

Глубоко вдохнув, чувствую, как мои легкие наполняет воздух, пропитанный женскими сладкими духами, нежно обволакивая все внутри, а тело уже предвкушает то, что должно произойти совсем скоро.

Сделав небольшой шаг назад от окна, разворачиваюсь, и теперь всем моим вниманием завладевает красивая шатенка, которая сидит, привязанная к стулу, в центре комнаты. Глаза девушки наполнены ужасом, а я уже предвкушаю и в ярких картинках в своей голове расписываю, что с ней скоро сделаю. Мое тело наполняет волнение и дрожь, от которых потеют ладони. А губы сами по себе расходятся в довольной улыбке. Эта комната просто пропиталась ароматом страха и ужаса, который был так сладок. О-о... Для меня этот запах, как для ребенка вкус сладкой ваты. Как я только десять лет прожил без всего этого, но сейчас, спустя так много времени, дал себе зеленый свет, и теперь меня уже никто не остановит. На одно мгновение прикрываю глаза и веду носом, глубоко вдыхая и наполняя легкие этим прекрасным ароматом, предвещающим смерть. Мой слух улавливает жалобное мычание девушки, которая уже не трепеталась на стуле, словно испуганный ягненок, а покорно сидела и с гулким биением сердца ждала своей участи.

– Как же я скучал по тебе, моя Мари! – Из моего рта вырывается гортанный шепот, и я распахиваю веки, растягивая губы еще шире в улыбке, а девушка тут же ерзает и что-то снова мычит, только уже сильнее, но через скотч, что приклеен к ее губам, ничего не разобрать, да мне и не нужно.

– А ты сильнее, чем та, прежняя, которая была до тебя.

Я делаю несколько широких шагов вперед, оказываясь рядом с жертвой. Протягиваю руку в перчатке и пальцами провожу по нежному девичьему лицу, из-за чего девушка тут же вздрагивает и пытается отклониться, но у нее не получается это сделать. И остается только негромко мычать и умолять меня взглядом отпустить ее. Из больших красивых голубых глаз стекают крупные слезинки, отчего тушь растекается по щекам некрасивыми черными дорожками.

– Ну-ну, не нужно плакать и портить свое красивое личико, – шепчу, немного склоняясь, и пальцами вытираю с ее щек соленые слезы.

Эта девушка, оказывается, и правда сильнее той, предыдущей, которая была до нее. Я всегда умел правильно рассчитывать дозу, чтобы мои «куклы» не проснулись раньше времени, но сегодня все было иначе и мне стоило поторопиться, чтобы не произошло еще каких-нибудь эксцессов.

Неспешно обхожу девушку, вытягивая свою руку, касаясь распущенных волос и пропуская пряди между своих пальцев. Остановившись позади нее, достаю из кармана ветровки темно-оливковый галстук, под цвет ее платья, которое я заранее приготовил, но это будет позже, а сейчас самое волнительное...

Я расширяю узел галстука и накидываю на тонкую шею девушки, жертва тут же дергается и мотает головой, пытаясь вырваться, только вот никуда она не сможет деться от своей

судьбы, которую приготовил для нее. Когда ты полностью по рукам и ногам привязан к стулу, то вырваться уже не удастся. В моей груди сильно бьется сердце, а руки дрожат от предвкушения. Мне уже не терпится сдавить галстук сильнее на этой красивой тонкой шее.

В небольшой магнитоле, которую я всегда приношу с собой на «дело», разносится по комнате приятный голос Фрэнка Синатры. Я делаю неглубокий вдох и чуть слышно пою, повторяя слова:

– Regrets? I've had a few,
But then again, too few to mention.
I did what I had to do
And saw it through without exemption.

И стоит вырваться последнему слову из моего рта, как я тут же дергаю удавку на себя, прикрывая глаза и глубоко вдыхая этот сладкий аромат смерти.

Девушка еще несколько секунд пытается хоть что-то изменить, она дергается, мотает головой, но все бесполезно. Делаю глубокий вдох и сильнее прежнего затягиваю удавку на шее. Ее голова еще больше запрокидывается назад, и с удовольствием наблюдаю, как в глазах тухнет огонек жизни и зрачки ее становятся пустыми, взгляд теряет осознанность. Я кожей ощущаю, как жизнь моей «куклы» наполняет меня, и от этого становится на одно мгновение трудно дышать. Это блаженное чувство не передать словами. Мой лоб покрывается мелкими бисеринками пота, и я тут же смахиваю их ладонью. Это чувство превосходства просто великолепно. В этот момент я ощущаю себя богом, не меньше. Тем, кто может решать – жить человеку или умереть.

Обхожу девушку и встаю напротив нее. Позволяю себе несколько секунд любоваться прекрасной картиной, которую нужно непременно дополнить.

Да, такой бессознательной и покорной она нравится мне еще больше. Определенно. Разворачиваюсь к дивану, на котором лежит раскрытый чемоданчик со всеми нужными инструментами, подхожу к нему и, подхватив небольшой целлофановый пакет, убираю в него галстук, а затем беру другой пакет и, надорвав его, достаю оттуда темно-оливковое платье, в цвет галстука. Это платье было сшито на заказ по нужным меркам, чтобы сидело как влитое на жертве. Платье из плотной ткани, длинное, с аккуратными швами. Сбоку запах, который соединяется завязками, а в районе груди – красивая брошь в виде цветка орхидеи. Я тщательно подготовился, прежде чем прийти сюда. Долго искал жертву, еще дольше сближался с ней, но это того стоило.

Подхватываю из чемодана канцелярский нож, выдвигаю лезвие и аккуратно прохожусь им по стяжкам, которые держат руки и ноги девушки, сцепленные к стулу. Освободив жертву, подхватываю бедняжку на руки и укладываю ее на ковер, что украшает половину комнаты, опускаюсь на колени. Немного подаюсь вперед и аккуратно снимаю одежду с девушки, вместе с нижним бельем. Сейчас я не спешу. Делаю все тщательно и аккуратно, словно обращаюсь с хрупкой вещью. А когда тело полностью освобождено от одежды, несу все в корзину для грязного белья, что стоит в ванной комнате. В этой квартире я передвигаюсь свободно, был здесь не один раз и знаю, что и где находится. Чувствую себя как дома.

Убираю на место стул, на котором сидела жертва, тот до этого находился в кухне. И бережно одеваю на девушку приготовленное заранее платье. Расчесываю ее длинные волосы, аккуратно их укладывая, приглаживая руками, располагаюсь в ногах, чтобы полюбоваться на свое творение.

Девушка очень красивая. Платье подчеркивает ее тонкую талию и маленькую грудь. Бледное личико аккуратное, носик маленький, губы пухлые, с небольшим оттенком синюшности, а безжизненные глаза, в которых запечатлелся страх, смотрят в потолок.

– Моя Мари, ты прекрасна, – с придыханием проговариваю, пытаюсь запечатлеть ее образ в своей голове.

В магнитоле уже сменилась песня на более веселую, и я понимаю, что пора заканчивать. Жаль, не мог с ней побыть побольше, а так этого хотелось. Но у всего есть свой срок.

Снова возвращаюсь к своему чемоданчику, достаю оттуда небольшой секатор с красной ручкой, беру прозрачную баночку с формалином, приготовленную заранее, и приседаю возле девушки, которая покорно лежит на полу. Подхватываю хрупкую ладошку и с интересом рассматриваю ее, думая о том, что у моей красавицы пальцы пианистки. Тонкие и длинные. Но свой интерес останавливаю на большом пальце, что обрамляет тонкое колечко, с маленькими драгоценными камешками, подаренное мной же. Я никогда не экономлю на своих девочках. Всегда дарю им что-то, чтобы порадовать. Ведь их улыбки для меня дорогого стоят.

Немного оттопырив палец в сторону, подношу лезвие секатора и обхватываю им сустав, где проксимальная фаланга сцепляется с пястной костью, и резко нажимаю на ручки секатора. В комнате раздается хруст костей, и через секунду большой палец девушки отсоединяется от кисти. Подхватываю «добычу», аккуратно погружаю в раствор и закрываю крышкой банку, обратно приложив руку к телу девушки, и встаю на ноги.

Обернувшись в сторону окна, немного приподнимаю банку, чтобы полюбоваться на палец, что плавает в формалине. Лучики яркого солнца попадают на жидкость, и кажется, что палец даже как-то сверкает, отчего у меня настроение еще больше поднимается.

Закрыв чемоданчик, предварительно убрав туда небольшой магнитофон, я еще раз смотрю на девушку, которая лежит на полу. Очень жаль с ней прощаться, но другого пути нет. Накинув на голову капюшон черной ветровки, подхожу к входной двери. Смотрю в глазок, убеждаясь, что на лестничной площадке никого нет, и выхожу из квартиры, захлопнув за собой дверь. Выйдя из подъезда дома, спешу в сторону длинной аллеи. На улице много народу, но никто не обращает на меня никакого внимания. Все заняты собой и своими мыслями, что меня очень радует.

По дороге достаю свой смартфон и, разблокировав его, вхожу в папку под названием «коллекция». Открываю первую фотографию и, быстро ее пролистнув, задерживаюсь на второй. С экрана телефона на меня смотрит девушка, которую я сегодня убил и палец которой сейчас находился в моем чемоданчике. Через пару часов банка с очередным трофеем займет место на полке в коллекции, всегда будет напоминать эту красивую девушку и радовать меня.

Я перелистываю и эту фотографию, и теперь на меня смотрит еще одна девушка – третья жертва, которая пополнит мою коллекцию через две недели. Уже не могу дождаться этого момента. Приближаю на экране телефона ее красивое небольшое ушко с жемчужной сережкой, которое прекрасно впишется в мою коллекцию!

Глава 2

Мила любила ночные дежурства, в отличие от своих коллег, которые сейчас были неразговорчивые, сонные и без капли какого-либо настроения. Ей казалось, что ночью все выглядит под другим углом, да и атмосфера была более располагающая для ее работы. Она стояла в ногах убитой девушки и внимательно осматривала жертву. На той было темно-оливкового цвета платье, Мила помнила, что у ее матери когда-то она видела похожее. Платье отличалось от тех, которые сейчас носят девушки возраста жертвы, оно было старого фасона. Навряд ли молодежь такое сейчас бы надела.

Убитая была похожа на куклу, которую кукольник аккуратно одел, причесал и оставил, чтобы теперь они нашли ее. И это вторая жертва. Первая убитая девушка найдена в таком же темно-оливковом платье, все с той же брошью в виде цветка орхидеи, которая украшала наряд, и так же отрезана одна часть тела: у первой жертвы – мизинец, у этой – большой палец, а на кухне, как и на первом месте преступления, на столе в вазе стоял букет белых орхидей. Что означало: убийца один и тот же. Неужели в их городе завелся серийный маньяк?

– Какая красивая и такая молоденькая. – Прозвучал рядом голос судмедэксперта, который сидел на корточках рядом с трупом. – Мила, это какая по счету?

– Вторая, – тихо ответила она.

Девушка и правда была красивая, а главное – она кого-то напомнила Миле, только вот кого, она так и не смогла понять.

– Жаль, когда убивают таких молодых. Ладно мы, старики, уже пожили свое, а ей бы жить и жить. – Все таким же трагическим голосом ответил судмедэксперт.

Это был мужчина невысокого роста, полноватый, с тоненькими усиками и широкими глазами, которые сейчас оказались красные от недосыпа. Николаю Константиновичу стукнуло шестьдесят семь лет, но он еще трудился в своей профессии и, кажется, не спешил оставлять этот пост. Миле нравилось с ним работать. Он всегда шутил и, наверное, был единственным из всех ее коллег, который пытался не отчаиваться. А еще у него всегда в рабочей сумке лежали пирожки, которые мужчина закупал в соседнем здании от морга, где находилась пекарня, и иногда подкармливал Милу, сгущая на то, что работа следователя для женщины – это неправильно, и, по его мнению, женщина вообще должна сидеть дома, воспитывать детей и варить мужу борщи, а не выезжать на трупы и лицемерить сей ужас.

В коридоре квартиры послышались тяжелые шаги, и через несколько секунд в комнате появился мужчина. Это был начальник оперов и по совместительству бывший муж Милы, с которым они разошлись год назад. Брак их оказался не такой уж долгосрочный. Через два года совместной жизни они развелись.

– Всем привет, – громогласно проговорил Мареев и подошел к бывшей жене.

– Здорово, Федь, – сказал судмедэксперт, а Мила только приветственно кивнула и снова перевела взгляд на жертву.

– Ну, что у нас здесь, Николай Константинович? – обратился он к судмедэксперту.

– А что здесь может быть? Все, как и у первой жертвы. Девушку сначала привязали к стулу, предположительно стяжками, это мы выяснили по отметкам на ее запястьях и щиколотках, затем задушили чем-то нешироким, видите след от strangulation борозды? – Мужчина потянулся к шее жертвы, указывая на темный след, четко отпечатавшийся на белоснежной коже. Федор кивнул, давая понять, что увидел. – И нет большого пальца. Его убийца отрезал уже после того, как девушка умерла. Никаких следов полового насилия или избиения нет.

– Она знала своего убийцу и впустила его в квартиру. – Тихо сказала Мила, прижимая к своей груди папку, в которой лежали протоколы. – Поэтому она и заподозрить не могла, что станет очередной жертвой. Николай Константинович, возьмете еще кровь у нее на анализ?

Хотя, мне почему-то кажется, что и у нее в крови найдется транквилизаторы, как и у прошлой жертвы.

– Как скажете, госпожа следователь, – отозвался судмедэксперт.

Мила, развернувшись, подошла к окну и посмотрела на улицу. Часы показывали три часа ночи. Дороги практически полностью опустели, только изредка проезжали машины, а людей и вовсе не было.

– У тебя все в порядке? – Раздался голос Федора, которого Мила не сразу заметила позади себя. Засмотревшись в окно, она не услышала, как он подошел.

– Да, все хорошо. – Мила улыбнулась, глядя в отражение стекла на бывшего мужа.

– Когда я в прошлый раз задал тебе этот вопрос, ты через пару часов попала в аварию, а потом решила со мной развестись, – в усмешке Федора послышалась горечь.

Мила устало вздохнула. Ей не нравился этот разговор. Вообще, она не любила разговаривать о своем браке, который продлился недолго, но был не так уж и плох.

– Моя авария никак не связана с нашим разводом.

– Это как посмотреть. Кстати, аллергия-то еще не прошла?

Мила тут же перевела взгляд в отражении стекла на свои руки, скрытые под тонкими кашемировыми перчатками.

– Нет, – покачала она головой.

– Так может к врачу тебе сходить?

– Федь, это уже не в первый раз, и я знаю, что нужно делать. Ты лучше скажи своим парням, чтобы они опросили соседей, нужно выяснить, откуда цветы у жертвы на кухне? Такие же были у первой девушки. Там, кстати, в букете, я видела небольшую открытку, адреса магазина нет, но может как-то удастся его выяснить. А если нам повезет, то и номер заказчика узнаем.

– Хорошо.

Федя еще раз бросил быстрый взгляд на бывшую жену и, развернувшись, вышел из комнаты. А Мила посмотрела на свои ладони в перчатках, которые носила не просто так. От прикосновений руками к другому человеку у Милы возникали видения. Это происходило не всегда, и она не знала, от чего это зависит. И поэтому решила предостеречь себя, в последнее время она их практически не снимала, если только когда приезжала домой. Этот дар у нее появился еще в детстве: будучи ребенком, она не понимала, что с ней происходит, и молчала, в отличие от своего брата-близнеца. Их мать была очень верующим человеком, настолько верующим, что, решив, будто ее сын – посланник Дьявола, сдала того в психиатрическую клинику, где брат находился по сей день. Мила же, которая не призналась, что тоже видит странные картинки, когда прикасается к людям, осталась жить с матерью, которую через два года, после того как та сдала семилетнего сына в психушку, убили. Мила пришла из школы и нашла мать в ванной с открытыми глазами, безжизненно смотрящими в потолок. И вот, после смерти родительницы у девочки дар пропал.

Только потом она узнала, что родительницу убил сосед, после чего обокрал квартиру. Соседа посадили, а над Милой и ее братом взял опеку лучший друг матери, который был сейчас наставником и начальником отдела полиции, где служила Мила. А год назад, когда она попала в аварию, видения повторились. Сначала они были редкими и могли случиться раз в месяц, а вот в последнее время стали чуть ли не постоянными, отчего Мила решила надеть перчатки. Видимо, тонкий кашемир препятствовал проявлению дара, и она могла жить спокойно. Мила ни с кем не делилась своим секретом, даже с братом, который, в отличие от нее, не переставал видеть и мог успешно управлять своими видениями.

– Ну что, я закончил, – позади раздался голос Николая Константиновича, и Мила обернулась.

– Хорошо. – Девушка согласно кивнула и внимательно посмотрела на труп жертвы, решая, дотронуться до нее или нет. Возможно, в работе следователя ее дар может показаться

находкой, только вот Мила думала иначе. После того как к ней приходили видения, пусть те были секундными, ей становилось плохо и она долго потом не могла прийти в себя. Вот и сейчас, прежде чем пойти на такой риск, она сперва все как следует обдумала и все же решилась.

Пока Николай Константинович складывал свой рабочий чемодан, Мила быстро, чтобы не передумать, подошла к жертве и присела рядом. Бросив быстрый взгляд на судмедэксперта, дабы убедиться, что до нее нет никакого дела, Мила сняла одну перчатку и слегка коснулась ладони, на которой убийца отрезал палец. Дар не заставил себя долго ждать. Только пришли не видения, а скорее это были чувства, которые испытывала девушка в тот момент, когда сидела, привязанная к стулу. Перед глазами Милы было темно, а вот изнутри ее сковал такой панический ужас, что она не смогла сделать вдох. Ее заколотило, словно в припадке, и она почувствовала, как шею сдавливает удавка. Миготом отдернув руку и резко поднявшись на ноги, Мила схватилась оголенной ладонью, которой еще совсем недавно прикасалась к трупам, за свое горло. В глазах стоял страх, а сердце бешено колотилось. Колени подрагивали, и ей очень хотелось выйти на свежий воздух. Почему-то в носу образовался удушливый запах формалина, а в голове неожиданно всплыла песня Фрэнка Синатры «My way». Эта была, несомненно, популярная песня, и Мила сама не раз ее слышала по радио, но почему она появилась именно в этот момент?

– Милочка, все в порядке? – на нее смотрел Николай Константинович, который, оказывается, заметил ее действия.

– Да. Все хорошо, – хрипло проговорила она.

Мила ощущала себя так, словно проглотила горсть стекла, говорить было больно. Прижимая папку с документами, пытаясь не шататься, она под недоумевающий взгляд судмедэксперта рванула к выходу из квартиры.

Мила буквально бежала по лестнице, отталкивая немногочисленных полицейских, которые столпились на лестничной клетке. Вырвавшись на улицу, она отбежала от подъезда и согнулась пополам, упираясь ладонями в колени. Одна рука так и осталась без перчатки. Мила рвано дышала, легкие жгло. И это было не самое страшное. В прошлый раз, когда по неосторожности дотронулась голой ладонью до трупа, она вообще провалилась в обморок. Очнувшись быстро, но вот собрать полностью себя больше суток не могла, и ей казалось, что ее телом управляет не она, а кто-то другой.

Мила много раз искала в интернете людей, которые могли бы обладать похожим даром, но попадались только шарлатаны. А ей хотелось, если и не избавиться от него, то тогда уж научиться хотя бы управлять, как делал это ее брат, чтобы не было вот таких вот приступов.

Кто-то коснулся ее плеча, и девушка резко выпрямилась, оборачиваясь назад. Позади стоял Федор.

– Что с тобой? – бывший муж смотрел на нее с волнением.

– Все нормально. Просто я за целый день ничего не ела, вот и замутило. – Она еще раз глубоко вдохнула прохладный ночной воздух, от которого стало немного легче.

– Ты точно в порядке? Может тебе домой лучше поехать?

– Федь, какой дом, у меня дежурство еще не закончено. Нужно вон бумажки заполнить. – Она показала ему на папку с документами, которую держала в руке, как и перчатку, а затем снова натянула на руку. Федор внимательно смотрел на ее ладонь, потом поднял взгляд на бывшую жену, и от Милы не укрылось то, что он словно что-то заподозрил, но промолчал.

– Тогда я тебя сам отвезу до отдела. Давай ключи. – Он протянул ладонь, и Мила тут же достала из заднего кармана джинсов брелок с ключами от машины и протянула ему. Ей и правда сейчас лучше не садиться за руль. Руки все еще мелко подрагивали, и она была благодарна Феде за помощь.

– А как же твоя машина? – спросила Мила, уже когда они шли в сторону ее автомобиля.

– Так меня на служебной привезли. Моя на стоянке у отдела осталась, – сказал Федя, нажимая на кнопку брелока, чтобы разблокировать замки в машине.

Заняв место пассажира, Мила пристегнула ремень безопасности и откинулась на спинку сидения, прикрывая глаза. Несмотря на то что она пыталась отдышаться на свежем воздухе, в носу все еще оставался удушливый запах формалина, а почему он возник, она и предположить не могла, как и песня в ее голове. К первой жертве, которая была найдена две недели назад, она тоже прикасалась, только вот видений никаких не возникло. Она просто упала в обморок, тем самым перепугав присутствующих.

– Мил? – рядом раздался голос Федора, который не смотрел на нее, уделив все свое внимание дороге и машине, которую сейчас вел.

– М-м..? – устало промычала она, не открывая глаза.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать? Ты в последнее время какая-то странная ходишь. Словно не в себе. Может у тебя проблемы какие? Так ты скажи, я все решу. Все же не чужие люди друг другу.

– Федь, все хорошо, просто я устала.

– Возьми тогда отпуск, раз устала. Ты у Никонурова – любимая ученица, думаю, он отпустит и слова не скажет.

И Федя был прав. Никонуров Кирилл Геннадьевич числился начальником отдела, в котором служила Мила, он же когда-то был лучшим другом ее матери, и когда той не стало, взял шефство над ней и ее братом.

Глядя на этого сильного мужчину, который только практически и жил работой, вылавливая преступников, но не забывая о своей семье, будучи ребенком, Мила решила, что так же хочет. И после одиннадцатого класса поступила в юридический университет. А потом, после его окончания и успешной стажировки, ее ждало кресло следователя в отделении полиции под руководством Никонурова, где она и работала и по сей день.

– Какой отпуск, Федя? У меня три нераскрытых дела лежит, да еще и этот серийник появился, будь он неладен. Я уверена, что завтра на летучке Кирилл Геннадьевич будет рвать и метать. Мы же не продвинулись ни на шаг, только зарываем себя еще глубже. – Мила, откинувшись на спинку сидения, глядела на дорогу, рассматривая проезжающие мимо здания.

– Мил, мы делаем все, что можем.

– А толку-то от этого? – Сказала она и положила ладонь на ручку двери, придерживаясь, когда машина свернула в сторону отделения полиции.

Возле здания отделения полиции было тихо. Только несколько одиноких служебных машин стояли на парковке. В самом здании полиции тоже было тихо. Мила прошла мимо окошка дежурного и свернула в коридор, где находился ее кабинет. Она перемещалась не так уж быстро. И пусть Федя молчал, она все равно чувствовала его за своей спиной. Ощущала, как он наступает ей на пятки. Мила предполагала, что Федор просто так не оставит ее. Он на какое-то время будет рядом, а когда убедится, что она и правда в порядке, то уйдет.

Несмотря на то что прошел год после того, как они развелись, в отличие от Милы, у Мареева еще оставались к ней чувства, и это было видно невооруженным взглядом. Только сейчас, после двух лет совместной супружеской жизни, Мила понимала, что они как-то слишком быстро сошлись. Федор пришел работать только пять лет назад в их отдел на место начальника оперов. И он отличался от всех мужчин, с кем работала Мила до него. Федор был очень красивым мужчиной. Высокий, накаченный, его темные, практически черные жесткие волосы были всегда немного в растрепанном виде, что придавало ему озорной мальчишеский вид. Аккуратное лицо, с большими прозрачно-голубыми глазами, от которых всегда было трудно оторваться. Они словно притягивали к себе. Аккуратный нос с небольшой горбинкой и квадратный подбородок с ямочкой, которая еще больше придавала ему брутальности. В этом мужчине скрывались противоречивые черты характера, такие как жесткость и даже властность,

граничащая с нежностью и заботой. И Мила, как и большинство женщин в их отделе, не справилась со своими чувствами.

В Федора было невозможно не влюбиться. Их взаимные чувства вспыхнули довольно быстро, и после полугода общения они тайком расписались, что стало шоком даже для самой Милы. Она просто не смогла отказаться от этого предложения. Только вот семейная жизнь оказалась не такой хорошей, как о ней говорят. Возможно, если бы у нее и у Федора большую часть времени не занимала работа, то все бы получилось, только вот у них вышло иначе. За эти два года семейной жизни они практически виделись только на работе. За все это время Мила даже не успела перевести все свои вещи из собственной квартиры, которая ей и брату досталась после смерти матери, в квартиру мужа. Федя многого не знал о Миле, к примеру, что у нее есть брат-близнец, который с детства заперт в психиатрической клинике. Как-то не было времени рассказать об этом, а вот она все знала о своем бывшем муже. Даже о его подружках, с которыми он крутил романы до нее.

Подойдя к двери кабинета, Мила, вставила ключ в замочную скважину и, щелкнув замком, распахнула дверь. Входя в кабинет, она дотронулась до выключателя, и тут же загорелся в помещении яркий свет. Мила подошла к рабочему столу, оставляя папку с документами, и вернулась к вешалке, что находилась при входе, рядом с дверью. Сняла кожаную куртку, вешая ее на крючок, и обернулась к зеркалу, висящему на стене. Смотря на свое отражение, она не узнавала себя. Щеки немного впали, и острые скулы выделялись еще больше. Кожа лица была бледной, под глазами залегли от усталости темные круги, серые глаза, казалось, потеряли оттенок. А короткие волосы цвета темного шоколада растрепались. Приглаживая их ладонью, все еще одетую в перчатку, Мила подумала о том, что хорошо бы было посетить парикмахерскую. Каре, которое она всегда носила, уже отросло, и волосы теперь были непослушными. Их невозможно было уложить и теперь приходилось заделывать в хвост.

– Тебе может чай сделать? Ты какая-то бледная, – тихо проговорил Федя, снимая и свою куртку и вешая ее на вешалку рядом с курткой Милы. – Или кофе?

– Нет, лучше чай сделай, пожалуйста, крепкий и сладкий, там у меня лимон есть. Одну дольку добавь, – проговорила Мила и, обернувшись, прошла по кабинету до своего стола. Выложила из кармана джинсов телефон и, поправив водолазку, одергивая ее вниз, с удовольствием опустилась в кресло.

Мужчина молча кивнул и, подойдя к электрическому чайнику, приподнял крышку, убеждаясь, что в том есть вода. Пока она кипела, Федор в полнейшей тишине приготовил две кружки: в одну из них насыпал две чайные ложки растворимого кофе, а во вторую положил чайный пакетик. Мила же, облокотившись о спинку кресла, смотрела в темноту за окном, где просматривалась часть пустой парковки.

Когда чай был готов, Федя поставил кружку перед Милой и, взяв свою кружку с кофе, расположился на стуле напротив бывшей жены.

– Большое спасибо. – Чуть слышно проговорила Мила и, потянувшись обеими руками к чашке, подхватила ту и стала греть свои озябшие ладони о горячие края. Она полностью уже оправилась от этого непонятного видения, которое принесло ей только противоречивые чувства, но вот на душе все равно оставалась какая-то горечь и страх, что никак не хотели покидать ее. Мила словно чувствовала то, что ощущала жертва в последние секунды своей жизни, и это было ужасно.

В детстве Мила видела только картинки, когда прикасалась к кому-то, и никаких чувств или запахов, а вот сейчас, когда дар проявился после длительного отсутствия, все было иначе.

– Что ты теперь собираешься делать? – разбил тишину Федя, делая глоток кофе.

– Ты о расследовании?

– Угу.

– Ну, во-первых, нам нужно опросить всех соседей, возможно они что-то слышали или видели. На этаже выше живет очень любопытная старушка, я с ней столкнулась, когда на вызов приехала. Так вот, ее как следует нужно опросить. Думаю, она много интересного расскажет. Во-вторых, мне не дают покоя те цветы, что мы нашли в вазе, там была небольшая визитка с логотипом магазина, откуда их доставили, и нам нужно найти этот магазин и узнать кто заказчик: возможно нам повезет, и мы узнаем его имя, но что-то мне подсказывает, что имя у него – как и номер телефона, с которого он звонил и делал заказ, – фальшивое, но все же нам нужно отработать этот момент. Завтра ко мне с утра на допрос придет подруга жертвы, которая обнаружила труп, поговорю с ней, может что-то выясню полезное.

– А по первой жертве у нас ведь ничего? – перебил ее Федор.

– К сожалению, – Мила отрицательно покачала головой. – Этот убийца хорошо за собой подчищает. Словно уже не в первый раз убивает. Ни одного следа. Но то, что здесь работал один и тот же человек, я не сомневаюсь.

– Нужно подать в базу запрос о схожих убийствах, может он и правда не новичок.

– Да, я уже об этом думала, займусь этим завтра.

– Давай я возьму этот пункт на себя, у тебя и так много работы.

– Спасибо.

Мила благодарно улыбнулась. Она и правда зашивалась. В последнее время сутками ночевала в своем кабинете, но так практически и не продвинулась вперед. Были какие-то зацепки, но они, кажется, только стопорили дело.

Федор ушел спустя час, и Мила осталась одна. Она долго сидела в офисном кресле, борясь со своими мыслями, которые постоянно лезли в голову. Сделала себе несколько заметок на завтра касаясь текущих нераскрытых дел и решила, что ей нужно хотя бы немного отдохнуть. Голова раскалывалась. Поднявшись из-за стола, она подошла к шкафу, достала из него подушку, одеяло и бросила всё на кожаный диванчик. Диван был небольшой и для Милы, с ее ростом сто пятьдесят шесть сантиметров, подходил идеально, а вот кто ростом больше ста шестидесяти было бы не особо удобно и пришлось бы сгибать ноги, чтобы расположиться на диване.

Она подошла к двери, провернула ключ в замке, запирая кабинет, и погасила свет. Подойдя к дивану, легла на спину, укутываясь одеялом. В кромешной темноте Мила прислушивалась к тишине, в которой раздавались отдельные звуки: кто-то из ее коллег прошел по коридору, немного шаркая ногами, на улице у одной из машин сработала сигнализация, и кто-то быстро ее отключил. Мила прикрыла глаза, пытаясь справиться с головной болью, но та, казалось, не хотела покидать свою хозяйку. И спустя долгих минут тридцать девушка все же начала проваливаться в сон, но реальность будто не собиралась отступать, и Мила находилась на грани сна и яви, когда почувствовала, что по ее коже пробежался холодок. Это не холод от порыва ветра, скорее, похожий на потусторонний. Несмотря на то что на Миле была надета водолазка и джинсы, а поверх еще и одеяло, ее тело задрожало в ознобе, а по коже пробежались мурашки. Девушка попыталась открыть глаза, но веки словно кто-то склеил, как не слушалось и все тело. Руки и ноги будто парализовало, а внутри мгновенно вспыхнул страх.

Она кожей ощутила, что кто-то стоит рядом с ней и пристально смотрит. Мила пыталась дышать ровно, но из слегка приоткрытого рта вырывалось хрипловатое дыхание, а затем чьи-то холодные пальцы пробежались по ее лицу, скользнули по щеке, опускаясь к скуле, а уха коснулось чужое холодное дыхание. Мила втянула носом воздух, пытаясь не задохнуться от страха. Ей очень хотелось распахнуть глаза или просто пошевелить хотя бы пальцем, но ничего не выходило. И она отчетливо понимала, что не спит и это никакой не сон, а тот, кто стоит рядом, все так же склоняется над ней. Еще никогда такого не происходило, отчего становилось еще страшнее.

Громкий звук машинной сигнализации за окном разрушил этот ужас, и девушка в одно мгновение обрела способность двигаться и, распахнув веки, вскочила с дивана. Отбрасывая на пол одеяло и подбежав к выключателю на стене, она со всего размаха ударила по нему. В кабинете загорелся яркий свет, отчего девушка поморщилась и тут же стала осматривать помещение. Но, кроме нее, никого не было. Ключ все еще торчал в замке, и дверь была заперта изнутри, к ней никто не мог войти. Сердце так сильно стучало, что она ощущала его в районе горла. Мила прикрыла глаза, пытаясь унять сердцебиение, и приложила ладошку к груди. А когда немного успокоилась, распахнула глаза и прошла к одеялу, которое валялось на полу. Подхватив его, она сделала шаг в сторону дивана и замерла на месте, приоткрыв рот в изумлении.

В глазах мелькнул ужас от увиденного. Она сглотнула тяжелый ком в горле и медленно приблизилась. Бросила на диван одеяло и потянулась к своей подушке, посередине которой лежал лепесток белой орхидеи. Мила подхватила находку, и ее пальцы тут же почувствовали нежную и гладкую поверхность лепестка. Девушка даже к носу его приблизила и вдохнула слегка уловимый сладковатый аромат.

– Как ты сюда попал? – прошептала она и обернулась, чтобы еще раз убедиться, что одна. То, что сейчас происходило, никак не укладывалось в ее голове, а главное – все это до ужаса пугало.

Мила развернулась и тяжело опустилась на диван, не выпуская из рук лепесток и постоянно на него смотря, словно под ее взглядом он мог испариться, но тот был не выдумкой ее уставшего мозга. Лепесток был и правда настоящий.

– Этого просто не может быть. – Все так же полупшепотом сказала девушка, а перед глазами вспыхнуло красивое лицо сегодняшней молодой жертвы.

Глава 3

Мила с сочувствием смотрела на девушку, лицо которой было зареванное и опухшее от слез. Та сидела напротив и теребила светло-голубой платочек. Это была Татьяна, лучшая подруга и свидетельница, которая, вернувшись домой, нашла труп своей подруги – второй жертвы, именно к ней вчера прикоснулась Мила.

– Повторите, пожалуйста, все, что вы говорили вчера, – попросила Мила, и девушка, кивнув, вытерла очередную слезу, скатившуюся по щеке, и заговорила.

– Я на месяц уезжала к родителям на север и только вчера вернулась в город. Мы с Галей снимали квартиру, одну на двоих, так дешевле, понимаете. Я, когда в квартиру зашла, думала, ее нет. Свет был везде выключен, а дальняя комната, в которой жила... – Девушка, не договорив, всхлипнула и снова разревелась.

Мила только сильнее стиснула в руке ручку и на одно мгновение прикрыла глаза. Голова раскалывалась, и даже таблетка обезболивающего не помогла. После того как она нашла на подушке лепесток орхидеи, не то, что спать, она просто на диван не могла прилечь. Все еще помнилось: как тело парализовало, хотя сознание работало ясно, и это холодное прикосновение чьих-то ледяных пальцев все еще чувствовалось на щеке. Вспомнив прошедшую ночь, по коже пробежали мурашки, и девушка слегка вздрогнула, но тут же все свое внимание вновь уделила свидетельнице.

Мила терпеливо дождалась, пока поток слез у девушки иссякнет, и та снова продолжит.

– Дверь Галиной комнаты была открыта, – заговорила Таня хриловатым голосом. – Я думала, что ее нет дома, и не обратила на открытую дверь внимания. Она всегда ее открывала, когда уходила. Я приняла душ, поужинала и решила позвонить подруге, а когда услышала, как ее телефон звонит в спальне, то пошла туда, а там... там... – И снова взрыв слез и рыданий, от которого Мила снова поморщилась. Ей было жаль девушку, что сейчас сидела перед ней, но себя жаль больше. У нее как несколько часов назад закончилось дежурство, она должна уже дома находиться и спать в своей мягкой кровати, но сидела на допросе и терпеливо ждала, когда истерика закончится.

– Скажите, у Гали был молодой человек?

– Нет. – Отрицательно качнула головой девушка.

– Ну, может она с кем-то встречалась или познакомилась, когда вас не было в городе.

– Нет. Понимаете, мы с Галей были как родные сестры. Очень близки, и все друг другу рассказывали. И я точно знаю, что у нее никого не было, а иначе бы она мне рассказала. Галя только два месяца назад рассталась с парнем, и расставание для нее было очень болезненным. Мы каждый день с ней созванивались по видеосвязи, да и просто по смс общались. Я знала ее расписание практически на каждый день.

Мила согласно кивнула.

– Тогда скажите, вы общались с подругой в день, когда приехали домой? Знаете, чем она занималась перед вашим приездом.

Таня задумалась. А через пару секунд согласно кивнула.

– Да. Мы созвонились с ней утром, и она сказала, что пошла по магазинам. Мы с Галей в выходные в клуб собирались, и она пошла купить себе новое платье. А потом все. У меня не было возможности больше ей позвонить.

– Угу. – Мила сделала запись в протоколе допроса. – А во сколько вы ей звонили?

– Сейчас. – Девушка полезла в карман за телефоном, и на минуту в кабинете воцарилась тишина, после которой Таня заговорила вновь: – Я ей звонила в девять утра. Мы с ней разговаривали семнадцать минут, и она уже собиралась выходить из дома.

Мила кивнула.

– А вы не знаете, кто подарил цветы вашей подруге? – спросила следователь, а Таня с удивлением на нее посмотрела.

– Какие цветы?

– Ну как, те, что стояли на кухне в вазе.

– А-а... вы про эти. Совсем про них забыла. Не знаю, – пожала девушка плечами. – Галя мне про них ничего не говорила. Хотя, это было на нее не похоже. Я, когда их увидела, удивилась.

– Почему? Может у нее все же был поклонник, а она вам не хотела говорить?

– Нет, что вы. Галя бы мне точно рассказала. Она вообще была очень открытым, добрым и милым человеком. – Искренне проговорила девушка.

«Добрым и милым человеком», – про себя повторила Мила слова свидетельницы. И все же она была уверена, что жертва находилась в отношениях, только вот Галя по какой-то причине не рассказывала о них своей подруге. Аналогичная ситуация произошла и с первой жертвой. Одинокая девушка, которую нашла в собственной квартире, задушенной, ее мать. На кухне стоял идентичный букет белых орхидей, как и у второй жертвы. И мать покойной утверждала, что ее дочь ни с кем не встречалась, хотя, по словам соседки, та видела не один раз, что к девушке приходил какой-то мужчина. Лица она не запомнила, а самое интересное, даже камеры видеонаблюдения, что висели на подъезде дома, его не засекли. Мужчина очень ловко уклонялся от них, словно знал, где и под каким углом они расположены, чтобы не попасть в объектив.

И только когда допрос закончился и кабинет покинула Татьяна, Мила с облегчением вздохнула и, тихо постанывая, опустила лицо на сложенные на столе руки. В голове проскользнула мысль, что все же стоит остаться в своем кабинете, запереть дверь и поспать хотя бы часик, но, вспомнив, что случилось ночью, Мила все же решила поехать домой. Ей просто необходимо как следует выспаться, принять горячий душ, а завтра снова с утра отправиться на работу. И с этими мыслями девушка поднялась со стула, немного потягиваясь, убрав документы в сейф и заперев его, она вышла из кабинета. В отделении было шумно. По коридорам ходили коллеги и посетители. Пожилая уборщица мыла пол, выйдя на улицу, Мила тут же поморщилась от яркого солнца. Вокруг царила жизнь, и только ей хотелось уединиться как можно скорее. Ее старенькая синяя Mazda 3 дожидалась на стоянке. А стоило приехать домой и подняться в свою квартиру, как Милухватило только на то, чтобы снять уличную обувь, куртку и, пройдя в гостиную, рухнуть на диван, руками загребая под голову подушку, обнимая ее и мигом проваливаясь в сон.

Звук громкого телефонного звонка вывел девушку из рук Морфея. Первые несколько секунд Мила даже не понимала, где находится и что вообще происходит, но, быстро придя в себя, она приподнялась на локтях, ища источник звука. Свой телефон она нашла в ногах, хотя помнила, что до этого, когда пришла домой, он оставался в заднем кармане ее джинсов. Водолазка немного задралась, оголяя живот, волосы растрепались и теперь были похожи на птичье гнездо. Загладив рукой темные волосы назад, она потянулась за телефоном и, увидев, кто звонит, мигом ответила на звонок.

– Да? – хриплым ото сна голосом произнесла Мила, вслушиваясь в тишину, что была в трубке ее телефона, а затем прозвучал голос.

– Мила, добрый вечер, это Дмитрий Владимирович, – произнес мужчина, и Ардо мигом проснулась.

– Здравствуйте. Что случилось? – тут же спросила она.

Этот мужчина просто так не звонил. Селезнев Дмитрий Владимирович был лечащим врачом ее брата и главврачом психиатрической клиники, в которой находился Саша.

– Пока ничего серьезного не случилось, – успокоил ее мужчина. – Я звоню, чтобы поинтересоваться, как у вас дела? Вы две недели уже не появляетесь у нас, вот и подумал, может

случилось что? Вы же знаете, как ваш брат относится к вашему приходу, и то, что вас давно нет, вводит его в беспокойство. Из-за этого он перестал есть, общаться с персоналом, ушел в себя, а в попытках его хоть как-то расшевелить становится агрессивным.

Мила устало вздохнула. Она так сильно погрязла в рабочих делах, что сил хватало на то, чтобы только прийти домой, упасть в кровать и уснуть. Последние две недели были тяжелые, и она не навещала брата, хотя до этого ездила к нему каждую среду вот уже на протяжении больше десятка лет. Они, как-то не сговариваясь, выбрали этот день, когда она обязательно приезжала к нему. А он ее уже ждал, стоя возле окна, и всегда махал, когда девушка шла по недлинной дорожке от ворот к дверям здания.

– Я сегодня приеду, – ответила Мила спустя несколько секунд молчания и посмотрела в окно, где уже стало темнеть.

– Хорошо, я тогда предупрежу персонал.

– Спасибо.

Сбросив вызов, Мила поднялась с дивана и пошла в ванную комнату. Она несколько долгих минут смотрела, как из крана льется вода, а когда подставила под струю ладони, вода была ледяной. Умывшись и почистив зубы, Ардо прошла на кухню и поставила чайник, чтобы заварить себе кофе, а пока тот кипел, передела свежие джинсы и водолазку, помещая снятую одежду в грязное белье. Джинсы были постоянной и неизменной частью гардероба. Платья и юбки Мила не любила, да их и не водилось в ее шкафу, а вот джинсов, свободных штанов, свитеров и кофт было полно. Она никогда не гналась за модой, носила то, в чем чувствовала себя комфортно.

Причесала немного спутанные волосы, пытаясь их разгладить, и посмотрела на свое отражение в зеркале. Лицо было бледным, щеки немного впали, а под глазами залегли темные круги. Даже после сна отражение в зеркале не стало лучше. В последнее время она даже поесть нормально не успевала, и обычным рационом был кофе или чай и бутерброды. И все это практически на ходу. В редких случаях она заезжала в кафе, чтобы поесть.

Мила вернулась на кухню и заварила растворимый кофе, предварительно добавив две ложки сахара. Грея ладони о кружку, она стояла возле окна и смотрела на двор, где располагалась детская площадка, на которой когда-то они играли с братом. Сейчас же площадка пустовала. На ней редко играли дети, потому что из всех развлечений осталась только разрушенная песочница, две старые скрипучие качели и металлическая горка. А когда-то, в ее детстве, на этой площадке было очень много ребятишек и родителей, которые ждали своих чад на лавочке, наблюдая за ними, читая книги, газеты или просто общаясь.

Допив кофе, Мила почувствовала бодрость, поставила пустую кружку в раковину. Накинув на себя куртку, она надела уличную обувь, не забыв свои перчатки, которые за последний месяц стали постоянной деталью ее гардероба, вышла на улицу и прошла к машине. Ей повезло, пробок на дороге не было, и Мила быстро добралась до нужного места.

Машина остановилась возле высокого железного забора с широкими воротами, на которых висела табличка с надписью «Психиатрическая клиника». Заглушив мотор, Мила вышла из машины и, подойдя к воротам, нажала кнопку звонка, а уже меньше, чем через минуту из здания главного корпуса вышел невысокий худощавый немного сгорбленный старик, которого Мила прекрасно знала. Мужчина довольно быстро дошел до ворот и при виде девушки улыбнулся беззубой улыбкой.

– Милка, приехала наконец-то, а я все думаю, куда запропастилась, – Проскрежетал мужчина и, открыв ключом большой амбарный замок, что висел на воротах, распахнул их, впуская девушку на территорию.

– Добрый вечер, Михаил Дмитриевич, – Мила ему улыбнулась.

Она помнила еще этого старика с детства, когда с матерью приезжала навещать Сашу в больницу. Здесь практически никто из персонала за все эти годы не поменялся. Даже главврач.

Да и само здание психиатрической клиники не изменилось. Раньше это здание было одного из богатых купцов, который во время войны отдал свое поместье под госпиталь, а когда война закончилась, здесь решили сделать психиатрическую клинику. Место было идеальным: вокруг лес, поселений на ближайший десяток километров нет. Тишина. Со временем, вокруг главного корпуса, в котором жили пациенты, сделали несколько небольших корпусов, где на постоянной основе проживал медперсонал клиники.

Мила шла за смотрителем, Михаилом Дмитриевичем, по асфальтированной дорожке мимо деревьев и зеленых клумб, где летом растут цветы, а за ними ухаживают пациенты клиники – один из видов терапии.

Мила подняла голову вверх, и в одном из окон, в которых горел свет, заметила высокую фигуру. Это был ее брат. Он ждал ее. У Милы быстро забилося сердце, а на душе разлился стыд, что она так вот бросила его и не навещала. Работа заняла все ее время.

Войдя внутрь здания, она прошла уже по хорошо знакомому ей длинному коридору с серыми стенами, а когда-то это была идеально белая краска, но со временем потеряла свой цвет.

Саша ждал ее в одной из «игровых» комнат. Брат сидел за столом с книгой в руках. Она безумно по нему соскучилась. Мила знала пациентов в этой клинике практически не хуже медперсонала, что здесь работал. Да и пациенты уже относились к ней как к «своей». Она часто приносила им сладости, а некоторым – игрушки или необходимые вещи, за что ее здесь очень любили.

Подойдя к столу, за которым сидел брат, Мила заметила на его лице улыбку.

– Привет, – произнесла она на выдохе.

Саша поднял на нее свое лицо, и девушка опустилась в кресло напротив. Ей было разрешено намного больше, чем другим посетителям. Мила могла беспрепятственно передвигаться по территории и зданию, хотя посторонним это было строго запрещено.

– Привет, – тихо ответил ей Саша и, закрыв книгу, отложил ее в сторону. На нее посмотрели такие же, как и у нее, светло-серые глаза брата. – Наконец-то ты пришла. Я очень скучал. – И от этих слов родного человека стало еще противнее от самой себя.

– Прости, очень много работы, но я бы обязательно приехала, ты же знаешь.

– Знаю, но я переживал.

Мила протянула к нему ладонь в тонкой черной перчатке и, забывшись, погладила брата по небритой щеке.

– Я ужасно скучала, – чуть слышно произнесла она.

Брат же ничего не ответил, а только внимательно посмотрел на ее ладонь, отчего Мила убрала руки на колени. Она не говорила Саше, что у нее стали проявляться видения, которые пропали после смерти матери. Не хотелось признаваться в этом. Сам же Александр не переставал видеть. Каждый раз, когда Мила приезжала его навещать, он рассказывал сестре о своих видениях, когда к кому-то прикасался. Он никогда не отрицал своего дара, в отличие от нее.

И в этот момент у Милы почему-то в голове вспыхнула картинка того дня, когда к ним в квартиру пришел странный дядя и забрал Сашу с собой. После того как мать узнала о способностях сына, она заперла его в комнате и запрещала Миле к нему приближаться, но брат с сестрой были всегда неразлучны, и даже запертая на ключ дверь не помешала этому. Они общались через записки, которые просовывали в щель между дверью и полом. А потом, через несколько дней пришел этот самый странный дядя в черном деловом костюме и с кожаным портфелем. Гость заперся в комнате вместе с братом и о чем-то с ним беседовал несколько часов, и все это время Мила и ее мать сидели в гостиной и ждали. А когда этот самый дядя вышел и держал за руку улыбающегося Сашу, то Мила своим еще детским мозгом поняла: что-то здесь не так.

– Я забираю его, – сказал тогда мужчина, и девушка вскочила с дивана и хотела уже запротестовать, как мать ее осадила, дернув за руку.

– Мила, пошли с нами. Ты же такая, как я. Признайся, что ты тоже видишь картинки, когда прикасаешься к кому-то, – проговорил брат, и Мила даже хотела согласиться – ей так хотелось быть рядом с братом, но в последний момент она отрицательно покачала головой.

– Нет, ты все врешь, я ничего не вижу. – Сжимая свои маленькие кулачки, сказала девушка под пристальным взглядом незнакомца. И она еще даже не предполагала, что, соврав, только спасла себя, а иначе сидела бы в этой психиатрической клинике, как брат, и по сей день.

– Почему ты в перчатках? – вывел ее из прошлого голос Александра, и Мила непонимающе посмотрела на брата.

– Что? – переспросила она.

– Почему на тебе перчатки? – повторил свой вопрос Саша, и Мила теперь перевела взгляд на свои ладони, лежащие на коленях, словно их в первый раз видела.

Она молчала, не зная, что ответить. А правду говорить не хотелось. Ни одна живая душа не знала, что с ней происходит в последнее время. Ей казалось, что все держать в себе было куда проще, чем делиться своими проблемами. Только один-единственный Федя заметил, что она изменилась, но вот причину не знал. Мила наконец-то подняла голову и посмотрела на брата, который все это время не сводил с нее своего пристального взгляда, а затем в этих светло-серых умных глазах словно промелькнула догадка, и он заговорил первый, не дав ей ответить.

– Ты теперь видишь, прикасаясь руками, – тихо сказал Александр, а Мила только согласно кивнула. Скрывать этот факт от брата, который до сих пор обладал такой странной силой и мог ей управлять, было бы неправильно. Она и так много от него скрывала. Мила была старше своего брата-близнеца на пятнадцать минут, и даже эта мизерная пропасть времени давала ей понять, что она как старшая сестра должна о нем заботиться и оберегать.

Миле вообще очень сложно с кем-то наладить общий язык или сдружиться. У нее никогда не было подруг. Она закрытый и очень сдержанный человек. Ардо даже удивилась, когда вышла замуж за Федора, он единственный, кому она хоть как-то открылась и быстро нашла контакт.

– Как давно? – задал очередной вопрос брат.

Она устало вздохнула.

– Все началось год назад, когда я попала в аварию, – заговорила Мила. Про аварию она рассказала брату, а вот про девушку, которую увидела на дороге, нет. Вообще, очень странно было то, что Мила единственная, про кого Саша ничего не видел, когда прикасался к сестре. – Но видения случились всего лишь пару раз и опять пропали, а месяц назад они появились снова и теперь бывают очень часто. А перчатки – это как тонкая стена, которая ограждает меня от видений. С ними я могу к кому угодно прикасаться и ничего не увижу.

Мила положила свои ладони на стол. Брат отрицательно покачал головой.

– Почему ты отрицаешь свой дар?

– Потому что он мне не нужен. Ты не понимаешь, когда я вижу прошлое человека, то мне очень становится плохо, да и я не хочу видеть это прошлое. Это как копаться в грязном белье.

– Если бы ты развила дар, то не было бы такого.

– А что, если я не хочу? – немного резко ответила она.

– Ты не уйдешь от своей сути, сестра. Как ты не поймешь – ты и я, мы одинаковые. Возможно, единственные на этой земле, кто обладает таким даром, и ты просто обязана принять эту силу, а не отрицать ее. Рано или поздно, ты все равно сдашься, она победит тебя. – Брат положил свои ладони на руки Милы, которые она разместила перед собой на столе. И от этих слов девушка почему-то разозлилась. Ей не хотелось быть как он. Не нужен был ей этот дар, она только от него страдала. Девушка резко отдернула руки, освобождаясь от ладоней брата.

– Нет! – уверенно произнесла она и даже выпрямилась, чтобы казаться еще увереннее, а Александр на ее заявление только громко рассмеялся.

– Тебе это ничего не напоминает?

– Что? – не поняла Мила.

– Тот день, когда меня забрали, я просил, чтобы ты призналась, что тоже видишь, но ты сказала нет!

– И нисколько об этом не жалею.

– Ты уверена в этом?

– Конечно. А иначе сидела бы здесь с тобой и этими психами взаперти. – Зло вырвалось у нее, и только спустя секунду Мила осознала, что она сказала. – Саш, я не это имела в виду. – Она потянулась к брату рукой, но тот отпрянул. Он бросил злой взгляд на Милу и так резко поднялся со стула, что тот ножками проехался по полу, разнося по помещению противный звук.

– Лучше бы ты не приходила, – зло бросил брат и, развернувшись, пошел на выход из комнаты.

– Саш! – крикнула она, но брат не обернулся, и Мила вздрогнула, когда кто-то дотронулся до ее плеча.

Девушка резко повернулась и увидела перед собой седую старушку. Она ее знала. Эта женщина в свои семьдесят с небольшим застряла в теле шестилетнего ребенка и вела себя соответственно.

– Он ушел, поиграешь со мной? – И женщина протянула Миле потрепанную страшную куклу.

– В следующий раз, хорошо? – улыбнулась она старушке, хотя было сложно это сделать. Внутри клокотала злость на себя и свою несдержанность. Это все нервы и усталость.

– Нет, я хочу сейчас. – Упрямо проговорила та и даже притопнула ножкой.

Мила глубоко вздохнула, давя в себе злость и раздражение.

– Мне сейчас нужно идти, но я обещаю, что когда приду в следующий раз, то обязательно с тобой поиграю и принесу новую куклу, хорошо?

Старушка улыбнулась своим беззубым ртом.

– Правда принесешь куклу?

– Да.

– Тогда хорошо.

Улыбнувшись, Мила обошла женщину и быстро направилась на выход. Попрощаясь с медперсоналом, который встретила по пути к выходу, девушка задержалась на пару секунд у смотрителя, дожидаясь, когда он накинет на себя теплую меховую жилетку, чтобы проводить ее и запереть ворота, и вышла на улицу.

– Что у вас случилось? Ты какая-то расстроенная, – поинтересовался Михаил Дмитриевич, когда они уже прошли половину пути.

– С братом немного поругались.

– Бывает. Он быстро отходит, так что, когда в следующий раз приедешь, он уже все забудет. Сашка любит тебя, постоянно о тебе говорит.

– Я знаю, – тихо произнесла она. – Я тоже его люблю. Он единственный близкий, кто у меня остался.

На прощание Михаил Дмитриевич потрепал ее за плечо, убедив, что все будет хорошо, и Мила села в машину, но не успела она завести мотор, как ее мобильный зазвонил. На дисплее высветилось имя бывшего мужа.

– Алло, – произнесла она, вслушиваясь в тревожный голос Феди.

– Мила, ты где сейчас? Дома?

– Нет, а что?

– Одна из уличных камер видеонаблюдения засекла нашего маньяка.

Глава 4

Мила сидела за столом и внимательно всматривалась в экран ноутбука, разглядывая мужчину, который вышел из подъезда второй жертвы.

– А откуда эта запись? – поинтересовалась она у Федора, который стоял за ее спиной, одной рукой опираясь на спинку стула, на котором она сидела, немного склонившись, и тоже рассматривал уже в сотый раз это видео.

– С банкомата, что напротив дома жертвы. Посмотри на поведения убийцы. Он спокоен и знает, где точно расположены камеры на подъезде, вот поэтому они его и не засекли. Прежде чем убить, он все тщательно изучает и только потом действует.

– Ты думаешь, что это он? – Мила приблизилась к экрану и нажала на стоп. Видео показало мужчину сбоку, в полный ракурс. Девушка внимательнее стала рассматривать незнакомца. На экране обозначился лишь силуэт предполагаемого убийцы в ветровке с накинутым капюшоном и в черных джинсах. Незнакомец был высокий со спортивным телосложением. И вроде бы не было в нем ничего примечательного, но Миле вдруг на одно мгновение показалось, что она его знает. Где-то видела похожий силуэт. Хотя... «Таких много ходит по земле, и каждый день можно встретить такого же спортивного мужчину. Даже в нашем отделе полно таких», – тут же мысленно поправила она себя.

– Согласно заключениям судмедэкспертов смерть произошла с девяти утра до одиннадцати. И в промежуток этого времени из подъезда вышли только мамочка с коляской, пожилая пара, бабка и этот тип. А вошел он в дом в восемь утра. Так что он был гостем, а не жителем этого дома. Для полной убедительности, мои ребята прошерстят дом и выяснят весь список жильцов, но я уверен, что он там не живет, – ответил Федор.

Мила же так внимательно всматривалась в мужчину, словно пыталась в нем что-то увидеть, разглядеть, но чем дольше она на него смотрела, тем сильнее понимала, что ничего в этом безликом темном силуэте не найдет.

– Федь, а можешь приблизить его чемодан, – проговорила она и показала пальцем на экран.

Федор же со спинки стула сместил свою руку на подлокотник, приближаясь к Миле, и девушка отчетливо почувствовала его горячее дыхание на своей шее, а в ноздри влетел аромат терпкого одеколона, который до этого она не так сильно ощущала. От такого тесного контакта Мила немного напряглась и попыталась сместиться в сторону, но так, чтобы Федя не заметил. Девушка не испытывала к бывшему мужу ничего, кроме дружеской симпатии, не больше.

– Вот, – сказал он, и Мила снова приблизилась к экрану ноутбука.

Глядя на этот чемодан коричневого цвета, девушка подумала, что похожий она где-то видела. Мало того, трогала его, хотя сразу не могла вспомнить, где и у кого. В ее детстве такие чемоданы были у каждого. А в некоторых семьях по несколько штук. А возможно, все эти совпадения рисует ее уставший мозг.

– Ты что-то нашла? – тихо поинтересовался Федор, все так же близко замерев рядом с бывшей. Мила от его вкрадчивого голоса слегка вздрогнула и отпрянула от ноутбука.

– Нет. – Проговорила она и выпрямилась на стуле, чувствуя, как бывший муж отошел. Немного обойдя стол, Федя присел напротив на стул и закинул ногу на ногу. В руке он крутил какой-то брелок.

– А что с цветами? Не нашли этот магазин, что указан на визитке? – поинтересовалась Мила.

– Нет. Такого в базе не существует. Если бы кроме названия был бы адрес или номер телефона, но ничего. Есть несколько с похожими названиями мы их пробиваем, но пока глухо. Я вот тут подумал, а может это убийца подкинул в букетик визитку, чтобы сбить нас со следа?

– Все возможно, – задумчиво произнесла Мила, постукивая пальцами по столешнице. – А пальчики с визитки сняли?

– Да, но ничего не нашли. Она чиста, как слеза младенца, – ответил Федор, все свое внимание уделяя брелoku, который продолжал крутить в руке.

Мила откинулась на спинку стула и посмотрела в окно, где уже стусились сумерки. Вспомнился их разговор с братом, и в душу снова ворвалось сожаление о том, что она такая несдержанная. Что на нее нашло? Зачем сорвалась на Саше? Он ведь ждал ее, беспокоился, а она не только променяла на работу единственного близкого человека, но еще и обидела его. Негромкий глухой удар привлек внимание, и Мила обернулась на Федора, который, все это время крутивший в руке брелок, уронил его. Он-то и издал этот звук. Мужчина выпрямился на стуле, убирая предмет в карман джинсов, и обернулся к Миле.

– Мила?

Она посмотрела на него.

– Что?

– Может, сходим поужинать?

Несколько долгих секунд девушка смотрела на него, прокручивая в голове услышанное предложение. Ей сейчас меньше всего хотелось с кем-то идти и проводить время. Хотелось побыть одной. Да и бывший муж, как ей казалось, отнюдь не идеальная компания для ужина. Если для нее это был бы только ужин и ничего больше, то только не для Мареева, который сейчас сидел напротив и смотрел взглядом, наполненным надеждой.

– Федь, давай в следующий раз, – сказала Мила и резко поднялась со стула. – Завтра на летучке нужно будет показать это видео Кириллу Геннадьевичу. Он просил докладывать ему о любых подвижках этого дела.

– Хорошо, – согласился мужчина и тоже поднялся на ноги. Мила бросила быстрый взгляд на Федора, не замечая на его лице расстроенного выражения, из-за чего стало немного легче.

– И скинь, пожалуйста, мне на почту это видео, хочу еще раз дома посмотреть его.

На это Федор ничего не ответил, только согласно кивнул. Попрошавшись, Мила вышла из отделения полиции и поехала домой. Благо ехать недалеко. Несмотря на то что ей удалось немного поспать после дежурства, сейчас она чувствовала себя вымотанной.

– Итак, что нам известно об этом убийце? – задал вопрос Кирилл Геннадьевич, сидевший во главе стола, и смотрел на Милу и Федора, расследовавших дело маньяка, на счету которого было две жертвы.

Пока две, и если они ничего не предпримут, то непременно будет и третья. И в этом никто из сидящих в кабинете не сомневался.

– Пока ничего, – тихо ответила Мила.

– Это очень плохо! У нас уже вторая жертва, а мы ничего не знаем. Ну хоть что-то же должно быть известно? – нервно прикрикнул Никонуров. Мила понимала, что на него сверху давят. Серийники давно уже не появлялись, и это может быть громкое дело.

Начальник поднялся со своего места и стал нервно расхаживать по кабинету, заложив руки за спину. Несмотря на свои пятьдесят три года Кирилл Геннадьевич был в прекрасной форме. Да и не выглядел он на свой возраст. Ему максимум лет сорок с небольшим дашь. Высокий, подтянутый, с кубиками пресса на груди и руках. В его черных, как смоль, волосах виднелись седые пряди, но они делали его только солиднее. За всю свою жизнь она не помнила, чтобы он когда-то опускал руки или выглядел слабым. Она росла под его надежным крылом и всегда брала пример. Этот мужчина был образцом для многих сотрудников отдела. На него многие равнялись.

– У нас есть видео. – Тишину кабинета нарушил Федор, и Кирилл Геннадьевич резко остановился, глядя на начальника оперов.

– Какое видео?

– Камера с банкомата засняла, как неизвестный нам мужчина выходит из дома жертвы. И выходил он как раз в промежуток того времени, когда наступила смерть.

– А ну покажи, – приказал Никонуров и снова сел за свой стол.

Федор протянул ему свой телефон с включенным видео. На несколько долгих минут в кабинете воцарилась тишина. После того как Кирилл Геннадьевич несколько раз подряд пересмотрел видео, он поднял голову и взглядом обвел собравшихся сотрудников.

– Ну, во-первых, мы точно не уверены, что это он. Можем только предполагать. Мало ли, этот мужчина мог прийти к кому угодно...

– Это было в промежуток убийства, и у него на голове капюшон, – перебил начальника Федор. – А еще он странно себя ведет... и этот чемодан – кто с таким сейчас ходит?

– Очнись, Федор, в каком ты мире живешь? Ты серьезно? Капюшон на голове – это уже странное поведение? Тогда мы можем посадить полгорода только за то, что они по внешним признакам схожи и носят капюшон. Да даже я подхожу под этот параметр, если, конечно, капюшон накину. Это не показатель, а этот чемодан, да мало ли у кого он есть. Сейчас ведь в моду прошлый век входит, у меня несколько таких на даче на чердаке валяется, и что из этого? Меня тоже в преступники запишем? – Мужчина махнул рукой. – Нет, это видео ничего нам не дает. Мне нужно существенные доказательства. А что по отпечаткам пальцев в квартире?

– Ничего. Все число. Явно работал профессионал. – Это уже ответила Мила.

– Предположим. Если убийца и правда такой уж профессионал, то нам нужно найти других его жертв. Не думаю, что если это первые его жертвы, то он так бы чисто сработал. Подайте запрос в базу, может были подобные случаи.

– Уже, – перебила Мила.

– Хорошо. А между двумя этими жертвами есть какая-то связь?

– Нет. Ничего. Они совершенно из разных семей, никаких общих интересов, друзей. Мы ничего не нашли. Неизвестно, как и где он их находит.

Никонуров, выслушав ответ на свой вопрос, пару секунд смотрел на Милу, а когда та закончила говорить, перевел взгляд в одну точку на стене и на пару минут выпал из реальности, уходя в себя и обдумывая все услышанное. Мила и Федор ждали, пока начальник отдела снова заговорит, а тот только молча сидел и барабанил пальцами по столешнице.

– Вообще, если подумать, то много способов есть, где их найти. Проверяйте качественнее. Может они все сидели на одном сайте знакомств или ходили в одно и то же место, он-то там и нашел их. Проработайте еще всех друзей и знакомых жертв, может среди них найдется тот, кто знает обеих. Понятно?

Мила согласно кивнула и посмотрела на Федора, который сидел, опустив взгляд в свои ладони.

– Значит так, – Кирилл Геннадьевич хлопнул по столу. – Нам нужно составить психологический портрет нашего убийцы, и поэтому, Мила, ты едешь в академию. Там работает некий Стеклов Иван Вадимович, он криминальный психолог, преподает в академии, в которой учи-
лась ты.

– Я такого не помню там, – призналась Мила, вспоминая всех своих преподавателей.

– Он там работает всего лишь пару лет как, но очень хороший специалист, уже не раз работал с органами и всегда успешно. Федор, ты со своими орлами найди все похожие дела, вдруг нам повезет. Ну а я попробую сдержать прессу, чтобы не было очередной сенсации, а то они уже начали копать. Стервятники. Всем все ясно?

– Да. – Как-то не особо смело ответили сотрудники и поднялись со своих мест.

– Мила, задержись на пару минут, – попросил Никонуров, и девушка снова опустилась в кресло.

Как только закрылась дверь кабинета, Кирилл Геннадьевич обернулся к Миле.

– Мила, как там Саша? Мне вчера звонил лечащий врач, сказал, что он неважно себя чувствует и что ты уже давно его не навещала. Я сам был у него на той неделе, на этой пока не было времени вырваться, – спросил мужчина. Он стал один из немногих, кто знал о ее брате. Кирилл Геннадьевич был единственным другом семьи, который после того, как мать Милы убили, взял под опеку ее детей.

– Да, в последнее время слишком много работы навалилось и не могла к нему съездить, но вчера была у него. – Она промолчала о том, что они с братом поругались из-за ее же длинного языка.

– Ну, хорошо. Нам нужно чаще его навещать. Саша мне написал список книг, которые хотел почитать. Завтра их ему доставят.

– Спасибо, – тихо сказала Мила.

– За что? Ты же знаешь, что вы мне как родные дети.

– Знаю, – с губ Милы сорвалась благодарная улыбка. Она любила этого мужчину, как если бы он был ее отцом, хотя он и есть ее отец, да, пусть и не родной. Но он многое ей дал, и она в долгу перед ним.

– Ты, кстати, в выходные, надеюсь, приедешь? Лида спрашивала о тебе, она скучает.

Мила снова не смогла сдержать улыбку. Лида была женой Кирилла Геннадьевича и принимала немалое участие в ее воспитании. Эта женщина стала ей второй матерью.

– Да, конечно.

– Отлично. Тогда я ее обрадую.

Припарковавшись возле здания академии, Мила внимательно посмотрела на каменное строение, вспоминая годы своего обучения в этих стенах альма-матер. И эти годы были не такими радужными. У Милы никогда не было в детстве друзей, ими не обзавелась она, обучаясь в академии. Ардо слыла очень закрытым подростком, и идти на контакт, а особенно сближаться с кем-то, ей давалось с трудом, и Мила отдавала свое предпочтение одиночеству.

Устало вздохнув, Ардо вышла из машины и, нажав на брелок, заблокировала дверцы. Потянула за лацканы, поправляя на себе кожаную куртку, и пошла в сторону академии, удивленно глядя на черный Porsche Cayenne, что сверкал при попадании солнечных лучей. Этот автомобиль премиум класса стоял в первом ряду с другими машинами марками BMW, LEXUX, а позади этих иномарок были припаркованы уже не такие респектабельные тачки. Мила прекрасно знала, что первый ряд на стоянке всегда отводился для преподавательских автомобилей.

– Ничего не меняется. – Чуть слышно проговорила девушка и пошла дальше, а стоило ей зайти в двери академии, как в уши сразу же врезался шум голосов и смех. Осмотревшись, она прошла к доске расписания и нашла в списке фамилию нужного ей преподавателя. У того как раз через пару минут должна была начаться пара, и Мила, вспоминая расположение лекционных залов, направилась к нужному.

Заняв место на последнем ряду, она смотрела, как собираются студенты, некоторые из них на нее с любопытством посматривали. Она почему-то ждала появления лектора в возрасте. Именно такой преподавал этот предмет во времена, когда она еще училась в академии, но не могла даже и подумать, что преподавателем по криминальной психологии окажется молодой мужчина, да еще и яркой наружности. Стоило ему войти в аудиторию, как послышался чуть ли не одновременный женский восхищенный вздох.

Стеклов Иван Вадимович оказался очень даже молодым мужчиной, на вид ему было не больше тридцати. Высокий, худощавый и с надменным выражением лица. Мила почему-то подумала, что это именно его черный Porsche стоит среди других машин преподавателей. Очень уж он ему подходил. Этот мужчина определенно знал себе цену. Он двигался по аудитории словно бог. Спина настолько прямая, будто в нее вбили кол. Подбородок гордо приподнят. На нем был черный деловой костюм с зауженными брюками, а под пиджаком – белоснежная

кашемировая тонкая водолазка, через которую прорисовывался рисунок пресса. Стриженный ежик темных волос, а когда он поворачивался спиной, то можно было заметить, как из-под ворота к затылку уходила черная татуировка. Мила издали не смогла распознать, что там изображено. Не удивительно, что девушек на лекцию пришло раза в три больше, чем парней. В ее время обучения в академии таких преподавателей не было.

Стеклов прошел по аудитории к своему столу, сгрузив на него несколько книг, которые держал в руках, и обернулся к группе. Внимательно прошелся по каждому студенту, на несколько секунд задержавшись на Миле. И от этого пристального внимания у нее по телу пробежал холодок. Несмотря на симпатичную внешность, взгляд Стеклова пронизывал до костей. Он изучал всех, словно подопытных крыс, и Мила почувствовала себя одной из них. И только когда Иван Вадимович отвел от нее свой взгляд, она с облегчением вздохнула, чувствуя, как нервозность исчезает.

Пока Стеклов читал лекцию, Мила взяла телефон и вбила его фамилию в поисковую строку. Хотелось узнать, с кем она имеет дело. И пожалела, что раньше до этого не додумалась. Как оказалось, Иван Вадимович был единственным сыном Стеклова Вадима Ильича, известного в своих кругах бизнесмена и мецената, владеющего фармакологической корпорацией. Миле казалось, что дети таких людей не идут в обычные преподаватели, это как минимум странно, а продолжают семейный многомиллионный бизнес. Но Иван Вадимович выбивался из числа этих «идеальных» детей. Его мать в прошлом – мисс мира, а в настоящем – счастливая домохозяйка.

Время пролетело на удивление быстро. Мила только успела послушать половину лекции и была приятно удивлена, насколько интересно преподносил Стеклов информацию своим студентам. Дождавшись, пока все до единого ученики покинут аудиторию, спустилась к столу, за которым сидел преподаватель. Иван Вадимович не сразу ее заметил, только когда Ардо подошла ближе, мужчина поднял голову и с любопытством посмотрел на гостью. Хотя Мила помнила прекрасно, что в самом начале, когда только Стеклов вошел в аудиторию, он заметил ее.

– Вы что-то хотели? – поинтересовался мужчина, рассматривая ее с интересом.

– Да. – Мила достала удостоверение. – Мила Васильевна Ардо. – Проговорила она, и теперь Стеклов все свое внимание уделил ее удостоверению, а потом снова поднял голову и посмотрел на Милу, словно сравнивая ее и фото на корочке. – Мне посоветовал к вам обратиться Никонуров Кирилл Геннадьевич. – Быстро сказала она, и в аудитории на пару секунд повисла тишина.

– Интересно. – Наконец-то заговорил Иван Вадимович, складывая руки на груди, слегка откинувшись на спинку стула. – Как именно я должен вам помочь?

– Мне нужен психологический портрет убийцы, – произнесла она, а Стеклов не спешил отвечать. Он словно раздумывал, помогать или нет. Его заранее никто не предупреждал, что к нему по рекомендации могут обратиться. Хотя прекрасно знал Никонурова, раньше сталкивался с ним не раз и ничего плохого об этом человеке не мог сказать. Много слышал положительных отзывов от коллег Кирилла Геннадьевича, мало того, Иван знал, что Никонуров и его отец были знакомы.

– Ну, хорошо. Я вам помогу. – Наконец-то сказал он после длительного молчания. – Что у вас есть на этого человека? – с серьезным видом поинтересовался Стеклов.

– Ничего, – ответила Мила, слегка пожимая плечами, у мужчины от удивления взметнулась одна бровь вверх. Мила почувствовала себя словно под прицелом рентгеновского аппарата. Иван медленно проходил по ней взглядом изучая. И вот опять от его пристального внимания у нее по коже мороз прошел.

– Совсем ничего? – переспросил он.

– Нет. Но я принесла вам фотографии жертв, может по ним вы сможете понять, кто он такой.

Иван Вадимович согласно кивнул, и Мила из внутреннего кармана куртки достала конверт с фотографиями.

– Что с вашими руками? – поинтересовался мужчина, глядя на ее перчатки, которые Мила не забыла надеть. От этого вопроса она отчего-то смутилась и тоже посмотрела на свои руки, словно в первый раз их видела.

– Аллергия. – Быстро ответила она уже заученную ложь, которую говорила и остальным, кого интересовал этот вопрос.

Мила выложила перед мужчиной фотографии с двумя жертвами. На одной из фото девушки были еще живые и позировали в камеру, а на второй они уже были мертвы. Иван придвинулся ближе к столу. Он долго рассматривал фотографии, словно запоминал каждую черту жертв и иногда бросал любопытный взгляд на Милу, которая продолжала стоять напротив Стеклова, даже не двигалась. Она ждала хоть какого-то вердикта, но Иван Вадимович все молчал и только хмурился.

Ардо уже начала нервничать в этой создавшейся тишине, и на одно мгновение показалось, что мужчина специально испытывает ее терпение. И когда она уже была готова задать сотню вопросов, что он там такого увидел и почему так долго молчит, как Иван Вадимович заговорил первый, не глядя на Милу, обратив весь свой взор на фотографии.

– У этих девушек один типаж. Нос, рот, губы, черты лица, разрез глаз, фигура. Даже родинка на одном и том же месте, вот, посмотрите сюда. – Мила слегка наклонилась. Она много раз разглядывала эти снимки и тоже заметила, что девушки похожи, особенно в тот момент, когда убийца «поработал» с ними и нарядил в одинаковые платья, аккуратно уложил волосы... Но этой внешней схожести было мало.

– Но у них разный цвет волос. Разный образ жизни, семья, работа, увлечения... Кроме схожести в типаже, больше ничего. Почему он выбирает именно их? Что-то непременно должно в них его привлекать? А если судить только по внешности... дайте мне пять минут, и я вам десяток похожих найду. – Немного повысив голос, оттараторила Мила. Присутствие этого мужчины рядом ее немного волновало. По своей профессии она встречала разных людей, и многие из них были безжалостными преступниками, но никто на нее так не действовал, как этот мужчина, сидящий напротив.

Стеков поднял на гостью темно-карие глаза. От этого взгляда по коже Милы пробежал холодок. «Это не глаза человека», – подумала она. Этот взгляд был какой-то неживой. Он затягивал в свою темную бездну. По лицу мужчины невозможно было прочесть, о чем он сейчас думает.

– А вы точно следователь? – спросил он с усмешкой в голосе, но Мила не ответила. Она только бросила на него злой взгляд. Ее еще никогда и никто так сильно не бесил и одновременно пугал. А она всего лишь провела с преподавателем несколько минут наедине.

– Кстати, – Иван Вадимович снова бросил быстрый взгляд на фотографии жертв и поднял его на Милу. – У вас с ними один типаж.

От этих слов Ардо замерла и тоже посмотрела на фотографии, а потом отчего-то ее щеки вспыхнули. Несколько минут она вглядывалась в снимки, анализируя сказанные Стековым слова. А ведь преподаватель прав, как она не могла заметить этого раньше?

– Так что, вы дадите мне прочесть эти дела? – прервал ее голос Стеклова, и она перевела на него растерянный взгляд.

– Мне нужно сперва посоветоваться с начальством, – сказала Мила. Ей захотелось немедленно уйти из этой аудитории, а в идеале больше не встречаться с этим мужчиной.

– Поговорите. Если что, вы знаете, где меня искать. – Больше, не говоря ни слова, он поднялся со своего места, собрал учебники, тетради и, не прощаясь, вышел из аудитории, оставляя Милу в растерянности.

Глава 5

На подвальном этаже, где находился архив, было прохладно, пахло сыростью и повсюду летала пыль. Федор устало взглянул на несколько высоких стопок с уголовными делами и поморщился. Он бы мог приказать ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.